

Эльвира ГОРЮХИНА

Отдельные люди

Они отказываются от государства в качестве посредника и организатора жизни

В середине 70-х годов на одном из уроков я услышала реплику десятиклассника Сережи Павленко:

— Вы опрометчиво переносите любовь к Отечеству на любовь к стране.

Теперь уже не помню, в связи с чем возникла эта реплика. Но отчетливо помню, что я впала в замешательство. Ученики насторожились. Было видно, что Сережа вербализовал достаточно определенное настроение молодых. Тем не менее фраза 16-летнего подростка застряла в моей головушке.

Позднее пришло понимание, что два эти явления могут не совпадать друг с другом. Могут находиться в драматических отношениях. Но что одно может существовать параллельно другому, казалось недопустимым.

Ан нет! Жизнь горазда на сюрпризы. Вот об этом и сказ.

Василий (деревня Мереть, Новосибирская область). Уже не вертолетчик.

Знала, что он вертолетчик. До перестройки в Мерети был полигон. Василий отвечал за летную подготовку вертолетчиков. Полигон порушен. Василия отправили на пенсию. Он незаконно живет в казенной квартире. Знает, что в любую минуту его выбросят на улицу. Детей с женой отправил в Барнаул.

Мы встретились с ним в задрипанном автобусике, который шел на Сузун. Пассажиров набилось — не протолкнуться.

Едва утряслись, случился диспут. Поводом стал проезд Жириновского через Сузун. Время было предвыборное.

— Он знаш, че удумал? Деньги раздавал. Пятьдесят рублей на одно рыло.

— Да не он сам! Че городишь? Его киллеры деньги бросали. А люди подбирали.

— А вот и не киллеры. Они по-другому называются. Чегой-то я не припомню.

— Ой! Я знаю, какие-то летающие птицы...

— Да не птицы, а соколы.

— А че, соколы не летают? Сокол — тоже летающая птица.

— Интересуюсь, где они столь денег гребут?

— У тебя тыщу возьмут в кармане, а пятьдесят дадут к празднику. Живи — радуйся.
Голос им отдай.

— Да у меня отродясь тыщи в кармане не было.

— А за кого они нас примают? За дурачков? Виданное ли дело, учителя в той толпе были. Деньги брали.

— Так с паршивой овцы...

Итог подвела Нюрка, сумевшая огрести 150 рублей.

— Девки, а все же Жириновский самый понятный из всех. Че говорит — не понимаю. А в кармане полста рубликов имеется. Он все до дела доводит.

Они все еще шумели... Василий отыскал меня глазами. Начал говорить так, как это бывает в дороге с незнакомыми людьми.

Сказал, что ничего в жизни у него не получается. Если сошел с главной колеи, пиши пропало. Рушится все: умения, привычки. Куда-то деваются способы жить.

Вот вчера пошел на охоту: привычно вскинул ружье. Взвел курок, как это делал тысячу раз. Все утки улетели целехоньки.

Если садится на мотоцикл — мотор глохнет.

Приспособления к жизни утратили свою силу.

Он ехал к матери убирать картошку. Уже сходя со ступенек автобуса, сказал:

— Думаю, надо принимать какое-то решение.

Эта фраза не давала мне покоя. Что за решение? В интонациях была пугающая окончательность.

Прошло недели две. Я вернулась в Мереть. Он пришел в дом к моей подруге Вере Федоровне. Год назад она поселилась в Мерети. До этого семь лет жила в Потеряевке, что на Алтае.

Да и жила бы там, если бы единственный поезд, связывающий Потеряевку с миром, не приказал долго жить. Связь с детьми прекратилась.

Итак, Василий уже принял решение? Не совсем. Оно вызревает в нем не один год.

— Вот подаю в автобусную кассу удостоверение. Кассирша злобно бросает: «Когда стукнет тебе 60 лет, тогда получишь льготный билет». Она ждет, когда я начну выходить из себя. Я улыбаюсь. Достаю 144 рубля из 150, которые у меня есть, и подаю ей. Она злится, я — нет. Я свободен.

— Но у вас осталось шесть рублей! Какая свобода... — вспыхиваю я. — Вам еще в Барнаул и обратно.

— Да, а там, как Господь пошлет.

И Он — посылает. К сожалению, не всегда. Но это Его право. Василий понял, что установившийся порядок вещей переменить нельзя.

Все сделано для того, чтобы человека загнать в тупик. В нем, тупике, он звереет. Обратите внимание, говорит Василий, как ведет себя человек, оказавшись перед очередным бюрократическим окном. Он заранее знает: все будет против него. Частота встреч с государством прямо пропорциональна утрате веры в него — формулирует закон Василий.

Всю свою пенсию Василий посылает детям. Принес огромный пучок какой-то лекарственной травы.

— Да, я смирился, — сказал он.

Но была в этом решении какая-то печаль, которую я не могла постичь.

В разговор вмешалась Вера Федоровна:

— Вся беда твоя, Василий, в том, что ты помнишь себя вертолетчиком. Хозяином чистого неба. Когда ты забудешь, кем ты был, останешься один на один с землей, поймешь, что начал новую жизнь. Для этого надо взять в руки лопату.

...А как это? Забыть, кем был? Неужели Вера Федоровна забыла, что она кандидат медицинских наук, что занималась научной работой в знаменитом Академгородке? Забыть свои эксперименты, разработки... Своих дипломниц из университета. Нет. Это непросто. Но это так: есть земля. Дом. Работа на огороде с утра до ночи. Никакого трактора. Все вручную. Есть ощущение, что жизнь зависит только от тебя самого. Когда социальные подпорки сводятся к минимуму или совсем исчезают, остается возможность вернуться к своей собственной сущности.

А что если это капитуляция перед жизнью?

Нет! Вера Федоровна уверена, что это единственно достойный способ прожить на земле.

Жаль, что поняла это слишком поздно. Можно было прожить жизнь иначе. Самое важное — был вариант вместе с ребенком прожить его жизнь. Не оставлять его на улице с ключом на веревочке вокруг шеи. Не было бы нервных звонков с работы: разогрел? Сделал уроки? Выгулял собаку?

Мы расплачиваемся жизнью детей за нашу приверженность к ценностям, которые призрачны от начала и до конца. Вся прежняя жизнь — псу под хвост. Так и сказала.

...Пришел печник. Осмотрел кирпичи для кладки печки. Сказал, что не годятся, потому как не поют. Нет в них звона.

В доме царит покой. Слова Веры Федоровны кажутся правдой.

— Не плачьте о деревне. Она не умирает.

Вера Федоровна считает, что деревня переживает новый этап. Приезжают люди. Не дачники. И не старики. Покупают дом, огород. Как знать, может, им откроется тот самый смысл жизни, который ускользает за призраками.

Василий примет решение. Оно будет в пользу жизни, устроенной на других основаниях, как говорит Вера Федоровна.

* * *

Встреча с Василием засела в мою головушку. Кто эти люди? О чем свидетельствует их появление?

Последующие встречи (в разных районах страны) убедили меня в том, что Василий и Вера Федоровна не одиноки.

Виктор Павлов Виктор Павлов (остров Патмос, Горный Алтай)

Там, где берега Катуня предельно высоки, где воздух пропитан смолой, а ночное небо усыпано звездами, есть остров. На нем — храм ослепительной красоты. Чтобы попасть в храм, надо пройти по навесному мосту. Но сначала вы войдете в Иоанно-Богословский скит. Здесь вас известят, что вход в храм свободный. Вести себя следует пристойно. Как только вошел за ограду, чувствуешь, что движения твои замедляются.

Я ждала, когда люди пройдут мост. Последним мост покидает мужчина. Тихий шаг. В глазах усталость. Что-то еще есть в этих глазах. Есть то, чего нет ни у меня, ни у тех, кто за ним идет.

— Вы — Павлов? — спрашиваю.

— Да, — ничуть не удивившись, отвечает путник.

Храм — детище Виктора Павлова. Я что-то сбивчиво начинаю лепетать.

— Пойдемте пить чай, — сказал тихо.

Чай из редких алтайских трав. На печке стоит чайник. В воду добавляется пихтовое масло. По веранде распространяется запах живого дерева.

Виктор Павлов — знаменитый фотохудожник, объездивший весь мир. Однажды продал московскую квартиру, ценнейшую фотоаппаратуру. Приехал в Чемал, убежденный в том, что время останавливается только в двух местах на планете — в Индии и на Алтае. Павлов выбрал Алтай.

На все мои дурацкие вопросы он отвечает однозначно: «Нет!». Это ничуть не обидно. Дело в том, что Павлов расположен к любому человеку, который проходит через его скит. Он не расположен открывать душу. Точно обозначает границу, за которой начинается его личная тайна.

У входа в зимние комнаты — портрет женщины, которую я приняла ни много ни мало то ли за Аву Гарднер, то ли за Лиз Тейлор. Это оказалась жена Павлова. Живет здесь же. В скиту.

Он сказал, что хочет полного уединения и отъединения. От того, что было смыслом его прежней жизни. Пока не удастся остаться одному. Но он попытается.

Одуряюще пахнет пихта. Тишина заполняет пространство твоей души. Мы договорились, что я вернусь на остров. Павлов оговорил условия, при которых я могу попытаться постичь смысл отъединенного состояния.

Игорь Андросов (деревня Карабаново, Костромская область)

Ему сорок с небольшим. К верующим себя не относит, хотя уже семь лет работает у отца Георгия. Восстанавливал церковь. Поставил маковку. Вместе с крестом — это 28 метров. По профессии музыкант. Домрист. Окончил музыкальное училище. Не без гордости говорит, что многие скрипичные произведения переложены на домру. Играл в оркестре. Когда порушилась жизнь (и оркестр тоже), ушел играть в ресторан. С искусством это не совместилось. Бросил все. Был период, когда музыку слышать не мог. Начинать с того, что какой-нибудь старухе чинил табуретку. Вгрызался в любую работу. Стал классным резчиком по дереву, металлу.

Главный девиз Игоря Андросова — никогда не иметь никаких дел с государством. Я что-то вякнула о природной ренте. Игорь оборвал меня:

— Знаете, сколько стоил баррель нефти при Брежневеве? Ну и сколько в вашем кармане было? Помяните мое слово: отберут все у Ходорковского — в свои карманы спрячут. Я в их игры с олигархами играть не собираюсь.

Ирландцы, увидев работы Игоря, пригласили его в Ирландию. Что-то не заладилось с оформлением. А зачем ему, Игорю, золотому мастеру, капитал?

Он купил бы землю, технику и собрал таких бедолаг, которые притулились у батюшки. Видели их? Видела. Среди пяти человек только один не зэк. Ни документов, ни работы, ни семьи. Им всем нет сорока лет.

— У них надежды на жизнь нет никакой. Я бы завел на каждого счет в банке. Многие из них умеют работать. На моем веку у батюшки перебивало человек сто таких. Где они сейчас? Поди, грабят, пока их не схватили. Сегодня вот опять Вовка в запое. Взял у Федьки шмат сала и обменял на бутылку самогонки. Федька остался голодным.

Люда Кананова (деревня Сергеевка, Новосибирская область)

Получила письмо от своей бывшей ученицы. Четверть века учительствует в деревне. Письмо о жизни. «Нам нельзя быть слабыми. Надеяться надо только на себя. Может,

мужики вспомнят свою крестьянскую суть и станут крестьянствовать самостоятельно. Вы видели наши порушенные фермы, а ведь у нас лучшие в районе уголья.

Я хочу вам сказать: появляются люди, не оформленные ни на какую работу. Живут частно. Отдельно. У меня в классе одному мальчику купили компьютер за 25 тысяч. Первый компьютер в деревне. Первая ласточка, как мы говорим. Папа мальчика — вольный крестьянин. Сено косит себе и по найму. Пашет людям огороды, возит грузы, пять коров держит. А Иван Викторович из Воскресенки (вы его знаете) пригнал нынче зимой «УАЗ» из Стрежевого...

Для меня важен толстовский (лёвинский, крестьянский) жизненный принцип: «Счастье, батюшка, это — здоровье и спокойная жизнь».

У меня есть возможность по-есенински затеряться в зеленых стозвонах и не мучиться «любовью к родному краю» издалека. Я здесь живу.

Только бы у нас последнее не отобрали. Я вот все думаю: а вдруг за школьное помещение будут аренду брать?».

Послесловие

В день памяти Льва Толстого в Доме-музее на Пречистенке шел мастер-класс ученых из Тулы.

Был рассказ о толстовцах, которые нам представляются то сектантами, то чудаками. Проявления толстовства не до конца изучены. Они не бесспорны. И многолики.

Один из них мне показался до странности знакомым.

В 20-х годах прошлого века народное волеизъявление породило общины, в основе которых лежало учение об экстархизме.

Экстархисты — это внегосударственники. Они отказываются от государства в качестве посредника и организатора жизни. Это прямой выход к поискам смысла, который лежит в сфере духа и материальной оценке не подлежит. Это не вызов государству. Не борьба с ним.

Сегодняшний внегосударственник, каким я его увидела, не отягощен общинной психологией. Напротив, его волеизъявление подчеркнуто лично. Индивидуально.

Можно уйти в монастырь или скит. Но можно, оставаясь в миру, попытаться вернуться к себе, каким замыслил тебя Творец.

Мне захотелось понять, что является источником резкой смены жизненной стратегии. Что стоит за этим «однажды»...

Среди тех, с кем столкнула меня судьба, были верующие и неверующие. Оказалось, что приход к вере чаще всего был следствием осознания своей отдельности, если

позволительно так выразиться. (Какой парадокс: Церковь срачивается с государством. Верующие от него отделяются.)

Некоторые ученые полагают, что наступила эпоха риторики. Рекламы, пиар — составная часть обыденной жизни. Торжествует тот тип коммуникации, который позволяет управлять поведением человека тотально. Самый наглый манипулятор — государство. Отчуждающий человека от его сущности.

Люди кожей ощущают этот государственно-коммуникативный гнет, лишаящий их свободы выбора.

Вернуть свою субъектность (как сказал бы психолог) можно только ценой ухода. Так творится подлинная история, которая не есть смена идиологов на троне, а есть реальная жизнь неповторимого человека, осознавшего свою отдельность.

У человека есть возможность спасения. Она связана с работой духа, с попыткой восстановить естественную связь с землей, природой, близкими людьми. Иначе к чему все муки бывшего вертолетчика, уверенная сила ученого-биолога, жизненный подвиг Виктора Павлова и мечтания карабановского мастера спасти заблудшего ближнего.